

Ночь под бронзовым небом

Николай Трясцын

Николай Трясцын

Ночь под бронзовым небом

<https://litres.ru/74690662>

SelfPub; 2026

Аннотация

Представьте рыбацкий посёлок на краю земли, над которым третью неделю висит медно-красное небо. Здесь пропадают люди: не умирают — уходят в море и не возвращаются. Здесь живёт девушка Серафима, которая слышит голоса утонувших, и священник Гордиан, который носит в себе вопрос, острый как гвоздь: а что, если там, за гранью, — только пустота? Только медь. Только безмолвие.

Однажды в посёлок приезжает Он — человек в сером дорожном костюме с лицом смертельно больного аристократа. Он называет себя Инженером. Он не пугает — он утешает. Он не угрожает — он обещает покой. Сладкий, всеобъемлющий покой без Бога, без борьбы, без воскресения. Люди идут к нему и возвращаются с блаженными, пустыми улыбками, не узнавая родных. И кажется — тьма побеждает. Кажется — мир навсегда останется под этим бронзовым небом.

Эта книга — о природе тьмы и о том, как узнать её, даже когда она принимает вид ангела света. О святости, которая не боится испачкаться. О священнике, который видел, как умирает вера и не...

Содержание

Глава 1. Человек, который пришёл из тумана	4
Глава 2. Девушка, которая пела на волнорезе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Ночь под бронзовым небом

Глава 1. Человек, который пришёл из тумана

Эта книга — о природе тьмы и о том, как узнать её, даже когда она принимает вид ангела света.

Отец Гордиан стоял у окна своей бедной ризницы и смотрел на закат. Закат был нехорош — медно-красный, с полосами тяжёлой, точно налитой свинцом, синевы. Такое небо местные называли «бронзовым» и считали дурным знаком. Оно висело над рыбацким посёлком Крутоярск уже третью неделю, и за это время в море ушло четверо. Не утонули — просто ушли. Сели в лодки и не вернулись. Один был молодой парень, почти мальчик. Двое — старики, которым, казалось, и жить-то надоело. Четвёртый — сам смотритель маяка. Это он гасил свет. Это он открыл створ. А потом сел в лодку и поплыл на запад, где нет берегов.

Отец Гордиан знал: в посёлке что-то гнило. Не рыба, не водоросли — души.

Ему было сорок пять. Лицо — крупной лепки, с глубокими складками у рта, которые одни называют скорбными, а

другие — жестокими. Он пришёл сюда три года назад, когда прежний священник, старый и благостный, умер от удара прямо на амвоне, произнося слова: «И остави нам долги наша». Смерть его сочли красивой, почти праздничной. Но отец Гордиан знал: смерть никогда не красива. Она — враг. Последний и главный. И Христос плакал над Лазарем не от умиления, а от ярости — ярости любви против бессмыслия тления.

Он сам был из тех, кто видел врага в лицо. Десять лет назад, ещё будучи полковым капелланом в южной кампании, он держал за руку умирающего солдата, которому осколком разворотило живот. Солдат был юн, безус, и в последние минуты он не молился — он смеялся. Жутким, захлёбывающимся смехом. «Батюшка, — сказал он, глядя в небо, — а ведь нет никого. Там — медь. Пустая медь. Как таз, в который барабанят дождевики. И всё. И точка». И умер с этим смехом на губах.

С тех пор отец Гордиан носил в себе вопрос — не сомнение, а именно вопрос, острый как гвоздь: а что, если мальчик был прав? И вот он стоял у окна, смотрел на бронзовое небо и чувствовал: Тьма идёт. Не та, что снаружи. Та, что внутри.

Глава 2. Девушка, которая пела на волнорезе

Её звали Серафима. Девятнадцать лет, волосы цвета морской соли, глаза — тёмные, прозрачные до дна, как у святых на старых иконах. Она была дочерью смотрителя маяка — того самого, что уплыл во тьму.

В поселке её считали блаженной. Она разговаривала с чайками, собирала на берегу стеклянные поплавки и носила в кармане передника обломок зеркала, которым пускала солнечные зайчики в лица угрюмых рыбаков. Нищие любили её — она всегда отдавала им свою рыбу и хлеб. Но было в ней и другое: временами она замирала, глядя в одну точку, и тогда лицо её становилось нездешним, отстранённым, словно она слушала голос, не слышный никому более.

Отец Гордиан встретил её в первый раз на волнорезе. Был шторм, волны лизали бетон серыми языками, ветер рвал одежду. Серафима стояла на самом краю и пела. Не псалом, не песню — что-то среднее, протяжное, почти животное, похожее на плач кита. Ветер относил слова, но мелодия оставалась — пронзительная, чистая, режущая сердце.

— Что ты делаешь? — спросил он, подойдя ближе. — Упадёшь ведь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.